Анна Фёрс
(Anna Furse) — режиссер, драматург, театральный практик и исследовательница. Заслуженный профессор Голдсмитского колледжа Лондонского университета, содиректор лаборатории исследований перформанса PeARL — совместного проекта с Высшей школой экономики (НИУ ВШЭ, Москва). Художественная руководительница собственной компании Athletes of the Heart, основанной в 2003 году (*www.athletesoftheheart.org*).
anna.athletes@googlemail.com

Проблема пластичности

Политика женских мускулов

Аннотация
Эта статья — фрагмент готовящейся к публикации книги Фёрс «Железная хватка: когда женщины демонстрируют силу» (Muscling In — When Women Show Strength). В ней мускулистость представлена как разновидность одежды — знак мощи, статуса и самодисциплины — и одновременно как нечто проблематичное в случае с женщинами, ведь заметная мускулатура вызывает самые противоречивые реакции: от недоумения до фетишизации, от отвращения до возбуждения.

После краткого очерка «политики мускулатуры» автор вводит новый термин — эмускуляция: им обозначен любой процесс намеренного ограничения женской физической силы и подвижности через законодательство, одежду, женское обрезание или исключение из пространств атлетической культуры.

Прибегнув к анатомии, автор опровергает ложные представления о различиях между полами и показывает, что отождествление

силы и мускулистости с маскулинностью коренится в гендерных стереотипах. Мускулы гендерно нейтральны.

Истоки этих представлений лежат в Древней Греции. Греческий идеал мужественности олицетворял арете — концепцию чести, совершенства и благородства как в поступках, так и в помыслах; и то и другое практиковалось в гимнасиях. Эти идеалы были увековечены в скульптуре, подчеркивавшей связь между добродетелью и атлетизмом — связь, из которой женщины оказались эмускулированы через само свое исключение из гимнасиев. Знаменитая статуя «Дискобол» стала воплощением мужского совершенства.

Гитлер был так одержим этой статуей, что в 1938 году выкупил оригинал и призвал немцев не просто подражать античному идеалу, но превзойти его. Отсюда автор переходит к тому, как сильное тело — и как тело народа, и как тело атлета — оказывается вплетено в государственную политику и пропаганду.

Словом, мускулатура, которой женщины решают облечь свои кости, не может оставаться сугубо частным делом. Как и само женское тело, она оказывается достоянием других: на нее направлены особый надзор, особое внимание, особые режимы контроля.
Ключевые слова: тело; мускул; сила; размер; гендерные идеалы; красота; атлеты; национализм; одежда; культурные войны; пропаганда.

Разумеется, тело — это политическая проблема.
(*Berlant 2011: 267*)

Мускул — это обтянутое кожей мясо, которое становится заметным только тогда, когда натягивает кожу изнутри.

Леди Гага вывернула его наизнанку, появившись в платье из мяса на церемонии MTV Video Music Awards 2010 года. Ее выходка произвела фурор. Послание считывалось не сразу. Певица протестовала против действовавшего в армии США запрета военнослужащим раскрывать свою сексуальную идентичность. Позже она объяснила Эллен Дедженерес: «Если мы не будем отстаивать то, во что верим, не будем бороться за свои права, у нас останется столько же прав, сколько у мяса на наших костях» (DeGeneres 2010).

Но Гага не была первой. Ее опередила другая художница-феминистка. В 1987 году канадка Яна Стербак создала работу «Vanitas. Платье из плоти для анорексички-альбиноски» (Vanitas: Flesh Dress for an Albino Anorectic) и сама снялась с ним в качестве модели. Художницы умеют наделять тело голосом.

В идее плоти как одежды есть сила. Возможно, не случайно эта идея возникла в эпоху Возрождения: тогда же тело впервые «открыли» в европейских анатомических театрах (Sawday 1995). Человеческое тело считалось оболочкой для души, и отсюда родилась идея о его пластичности. Оно было скульптурным материалом, а одежда работала как своего рода протез: продолжала и искажала природную форму, придавала ей очертания, выражавшие статус, красоту или внутреннюю добродетель владельца.

С конца XX века, когда западный неолиберализм возвел в культ конкуренцию и преследование личных интересов, произошел расцвет и фитнес-индустрии (Kunitz 2016), и мускулы стали своего рода одеждой. Они означали строгость и дисциплинированность обладателя — усилия, которые он приложил, чтобы подчинить и преодолеть природу. Тело сделалось интенсивно пластичным — чем-то, что можно слепить и построить в спортзале. Возник новый идеал женской красоты: точеный, сильный, твердый.

Сегодня мы привычно лепим мускулы, кормим их, раздуваем, искажаем, щеголяем ими, украшаем татуировками, выставляем напоказ. Они мгновенно сигнализируют не только о красоте и физической форме, но и о месте обладателя на шкале между маскулинностью и фемининностью — и о суверенности над собственным телом.

И все-таки, когда женщина перекраивает физиологические нормы, чтобы стать сильной и мускулистой, она вторгается в мир мужчин. Она ломает глубоко укорененные исторические гендерные коды, и не без последствий. Ведь мускулистость по-прежнему остается одним из главных видимых маркеров, по которым мы судим о том, на что человек способен. Она лежит в основе самой конструкции гендерного различия и крепко связана с представлениями о себе и о своей ценности.

Мускулы заинтересовали ренессансных анатомов, потому что впервые их можно было увидеть, потрогать, отличить друг от друга, и это новое восприятие оказалось неотделимо от зарождавшейся поглощенности собственным «я». Ведь как только стало ясно, что мышца производит движение, проступила идея причинности и воли (Kuriyama 2011). Но женщины оказались исключены из этого нового опыта — переживания себя как источника собственного движения: патриархат лишил их автономии, ограничив подвижность. Мужчины охраняли свое превосходство, закрывая пространство. Они отказывали женщинам в телесной свободе, откровенно стреноживали их (корсеты, кринолины, женское обрезание, бинтование стоп, шпильки) и муштровали, приучая к социально приемлемым и сковывающим наборам жестов, поведения и внешности. Патриархат ни разу не распахнул

двери в зрелищный мир мужчин-в-действии. Женщинам эти двери приходилось вышибать самим, без приглашения.

Для этого я ввела специальный термин. Любой процесс намеренного ограничения женской физической силы и подвижности я называю эмускуляцией. Эмускуляция — это система контроля: женщину намеренно ослабляют, чтобы ограничить ее способность действовать на равных. К этому ведут законы, ограничение свободы движения посредством одежды, недопуск в пространства, где культивируется физическая активность.

Эмускуляция продвигается и через идеалы красоты — а они всегда знаки своего времени. И хотя совершенство не всегда сводится к стройности и округлым формам, за редчайшими исключениями вы вряд ли найдете в истории искусства идеализированный образ мускулистой женщины.

Эмускуляция — слово-гибрид. Оно намеренно отсылает к эмаскуляции, означающей феминизацию маскулинности. Эмускуляция — это феминизация самой феминности, и она царила во все эпохи и во всех культурах. Это коварная штука. Мы растем девочками, и расхожее представление о нашей слабости заводится в голове как червь. Мы принимаем навязанную слабость за истину и извиняемся за свою силу, хотя это лишь результат многовекового воспитания (Young 1990).

Мускулы — органы воли. Они приводят нас в движение, придают форму нашему телу, свидетельствуют о состоянии здоровья, даже выражают характер: они срослись с нашей волей и с самим нашим действием. В этом смысле мышечная система — экзистенциальный феномен: мы движем себя сами (Kuriyama 2011). Постороннему взгляду мускулы говорят о силе и совершенстве. Они задают телесные идеалы и ценности, а заодно показывают, на что тело способно. Мы взращиваем эти пучки волокнистой ткани — а они формируют нас. Без хирургии и химии, лишь решимостью и упорными тренировками можно вылепить иное тело. Для нас самих же мускулы — посланники. Они говорят с нами. Они сообщают, что мы напряжены, устали, перетружены. Они каменеют, тянут, болят. Мы слышим, как они хрустят, когда вращаем головой, — это сигнал, что в мышцах есть зажимы, напряжение, накопилась молочная кислота или образовалась фиброзная ткань. Мы надавливаем на них руками. Когда они ноют, мы их растираем — или просим, чтобы это сделал кто-то другой, — лишь бы стало легче. Они еще и меняют настроение. От физической нагрузки выделяются эндорфины, те самые гормоны счастья. Полчаса на беговой дорожке или пробежка по парку, и вы чувствуете себя бодрее, спокойнее, даже бесстрашнее. Вы чувствуете себя свободнее.

Важно и другое: в социальном плане мускулы, как и одежда, показывают статус — «смотрите, что я из себя сделала, как я выкарабкалась из дряблости и стала новой, лучшей версией себя». Накачанное тело имеет моральную ценность. Это хорошее тело. Это знак самодисциплины и внутреннего порядка. А если по тебе видно, что ты крепко сбита, ты будешь казаться менее уязвимой, будешь меньше скована страхом перед угрозой насилия, с которой женщины живут изо дня в день. Вот одна из причин, по которой столько женщин любят становиться крупнее и сильнее (Heywood & Lyon 1981; Lowe 1998; Shapley 2020).

Но когда женское тело выражает силу и власть, оно также вызывает рефлекторное отторжение. На темнокожих женщин навешивают стереотипы — слишком мускулистые, устрашающие, недостаточно женственные для европейской гендерной эстетики. Эта объективация уходит корнями в эпоху, когда порабощенные женщины были движимым имуществом и их оценивали на торгах по внешнему виду.

Расиализация тела проявляется и в том, что спортсменки сталкиваются со слишком пристальным вниманием и дискриминацией в вопросах половых тестов. К этому добавляются ложные обвинения в том, что они мужчины или трансгендерные женщины, — обвинения, которые лишь подогревают истерию. Яркий пример — недавние случаи Серены Уильямс, Иман Хелиф и Кастер Семеня.

Культурные войны поляризуют дискуссии о теле и гендере, теле и смысле, теле и предрассудках, теле и его потенциале. В этом новом веке тревоги вопросы телесной свободы, идентичности и выбора становятся точками, где скапливаются и сталкиваются противоречия. Наше тело может быть показателем сопротивления, а реакция на него — индикатором власти. Так что, говоря о физической силе, мы говорим и о правах: о праве жить в том теле, в каком хочешь, и идти с ним туда, куда хочешь и куда можешь, без указаний, что тебе там не место.

Дюжая женщина разбивает миф о слабом поле, и неважно, давит ли она тыквы бедрами ради забавы или будоражит зрителей на международных соревнованиях. Одно несомненно: пусть демонстрация женской силы стала более приемлемой, пусть ей даже восхищаются, реакции на чрезмерно мускулистую женщину, например на бодибилдершу, редко бывают нейтральными. Они простираются от благоговейного трепета и фетишизации до отвращения, многое говоря о власти, сексе и позиции зрителя.

Дело ведь не в захватывающих номерах: крепкую женщину выделяет именно прорисованный рельеф. Она другая. Удивительная. Красивая. Странная. И еще проблематичная. Она вне закона. Субверсивная.

Ее сила означает, что она вышла из-под контроля. Она стала непокорной. Стала бойцом, переписывающим свою историю в сухожилиях. Совершая традиционно мужские подвиги вопреки всему, она одновременно тревожит и волнует, как будто вышла прямиком из фрик-шоу.

Даже Роберт Мэпплторп, нью-йоркский фотограф, создавший вместе со своей музой, бодибилдершей Лизой Лайон, целую книгу, говорил, что они оба твердые, hard (Mapplethorpe et al. 1983). Выходит, твердые женщины тревожат мужчин. Над этой тревогой стоит поразмышлять.

А с анатомической точки зрения мускулы полны сюрпризов.

В Париже XIX века, когда цирк был последним писком моды, у зрителей цирка Фернандо перехватывало дыхание при виде Мадемуазель Ла-Ла. Молодая женщина в одном лишь просторном атласном трико висела под куполом, удерживая зубами специальное крепление. Восхитительная гимнастка прелестно болталась под куполом. Но удерживалась Мадемуазель Ла-Ла не на зубах, а на силе укуса — на своих небольших жевательных мышцах, musculus masseter. Поразительно, но это самые сильные мускулы в теле, потому что мы пользуемся ими по много раз в день, когда жуем и говорим, а мускул крепнет от работы.

Размер мускула не определяет силу. Сила, как правило, сводится к пропорциям. Это вопрос двух соотношений: между массой тела и мускулами и между размером тела и совокупной мощью. В этом смысле мужчины действительно обычно сильнее женщин. Но дело в том, что они обычно крупнее, и в том, что они задействуют свою массу по-другому. Присущие телу силы связаны с объемом, но различия между полами скорее количественные, чем качественные. Иначе говоря, даже если у мужчин мускулы обычно на 20–30% крупнее, чем у женщин, сила, развиваемая мышцами одного и того же размера, у обоих полов одинакова (Gross 2025; Kunitz 2016; Tsui 2025). Средний мужчина действительно сильнее средней женщины, но женщины не патологически слабее — они просто, как правило, меньше. Из этого следует, что мужчина и женщина равных размеров могут являть одинаковую мышечную силу (Dworkin 2001).

Короче говоря, размер — не все, и уж точно не надежный индикатор силы, которая может встречаться в телах разной формы и габаритов. Крошечная гимнастка или балерина вмещает в свое стройное тело невероятное количество мощи. Между мускулатурой танцора и мускулатурой бодибилдера есть разница, но и та и другая способна на экстремальные подвиги. Какой именно стать мускулатуре — вытянутой или объемной — определяет конкретная программа тренировок.

Гены и гормоны, безусловно, играют роль в силовых различиях. Тестостерон действительно помогает наращивать мускул через синтез белков, давая мужчинам преимущество перед женщинами, — но работа и регулярная практика развивают мощь у обоих полов, будь то наращивание жилистой мускулатуры или просто поддержание тонуса.

Однако сам состав мускулов гендерно нейтрален. Подчеркнуто мускулистое тело, считываемое как маскулинное, — это не физиология, а культура: автоматическая реакция на усвоенные стереотипы (Ibid.). Женщины не просто уменьшенные мужчины и не другой биологический вид. Тела мужчин и женщин просто различны структурно, не качественно. С этим связана застарелая путаница.

В среднем мужчины выше и шире в верхней части тела. У женщин грудная клетка обычно меньше, а бедра пропорционально шире. Тем не менее у этих общих правил множество исключений, а тренировка может сделать тела мужчин и женщин более похожими. Хотя мужчины, за отдельными исключениями, как правило, развивают бóльшую силу.

При этом сама по себе большая у мужчин мышечная масса, по-видимому, не вполне объясняет причину этой разницы в силе, которая с 1970-х годов находится в фокусе исследований типов мышечных волокон. Полученные данные имеют значение для дискуссий о биологическом поле и его влиянии на спортивные результаты и приобретают особую остроту в нынешних напряженных дискуссиях о критериях допуска спортсменок к женским соревнованиям.

Остается сказать: женщина может быть атлетичной, но боже упаси, чтобы она при этом выглядела не по-женски. На олимпийском турнире 2024 года по женскому боксу алжирка Иман Хелиф ударила соперницу так, что бой остановили через сорок шесть секунд. Ее тут же закружило в токсичном водовороте фобий: каким должно быть и как должно выглядеть женское тело. Хелиф объявили мужчиной.

Но Хелиф родилась и выросла женщиной. Вся эта шумиха, по сути, касалась ее гормонов. Международный олимпийский комитет настаивал на том, что случай Хелиф не трансгендерный. Так оно и есть. В этой истории любопытно, что тело Хелиф, ее присутствие на ринге и мощь спровоцировали в ответ. Возмущение, осуждение, ярость. Через считанные дни после скандала 2024 года в соцсетях стали появляться обложки алжирского Vogue с гламурно отретушированной спортсменкой. Вот только у Vogue нет алжирского выпуска. Это были фейки. Состряпанные изображения, призванные заверить, что она все-таки женщина, обнажили неприятие и тревогу, которые вызывает сверхсильная женщина. Ее мощь должна быть спрятана, ее

сила — закамуфлирована, чтобы не противоречить тем самым нормам, которые она нарушила.

Хелиф, по всей видимости, решила взять контроль над нарративом. Позже она появилась на обложке Vogue Arabia в пальто из змеиной кожи, а в 2025 году стала сотрудничать с Chanel: дом сшил для нее белый шелковый костюм. Она появлялась и в нарядах других люксовых брендов, например Bottega Veneta. В интервью на показе Chanel Womenswear Spring/Summer 2026 в Париже ее представили как женщину, которой пришлось много драться не только на ринге, но и в жизни за право быть собой. Она заявила, что хочет быть примером для подражания для юных девушек и что борется не со своим полом, а с ограничениями, ему свойственными (Squalem 2026).

Американская звезда регби Илона Махер — невероятно сильная и необычно широкоплечая — тоже часто сталкивается с тем, что ее женственность подвергают сомнению. Величественная, в вечерних платьях без бретелек, носящая дерзкую красную помаду, она показывает публике, что ее женственность и исполински сильное тело составляют одно целое. Она тоже посвящает себя поддержке молодых женщин в духе бодипозитива и со своей трибуны призывает их бросать вызов стереотипам.

Очевидно, что мускулистость открывает профессиональные возможности, но вместе с ними приходят препятствия, предубеждения, мизогиния и необходимость снова и снова доказывать, что твое внушительное тело — это все еще тело настоящей женщины. Силлогистическое мышление (мужчина силен; сильная женщина сильна; следовательно, сильная женщина мужественна) обнажает невозможность принять, что сила женщины принадлежит ей самой. Сильную женщину воспринимают как незваную гостью и воровку. И если ее фигура не соответствует канонам и не скрывает истинной силы (как у миниатюрной гимнастки или балерины), то сверхсильную женщину трактуют исключительно как не-женщину. Это настолько новый феномен, что язык за ним еще не поспел.

Описанное выше — лишь часть политики мускулатуры. Вопрос о том, принадлежит ли женщине ее собственная сила, — это не только вопрос эстетики. Он неизбежно влечет за собой другой: «А кому же тогда принадлежит?» Женские мускулы никогда не нейтральны, никогда не «просто плоть». Провоцируя и размывая границы половых различий, они в то же время вплетены в глубокую взаимосвязь между гендером, спортом, нацией — а также теми, кто все это контролирует.

Атлет — знамя из плоти. И так было всегда.

Корни наших гендерных идеалов и того, как они служат государственной идеологии, уходят в Древнюю Грецию, где социальное и атлетическое также переплетались. Контрастные роли полов в этой колыбели демократии были увековечены в огромном количестве сохранившихся скульптур, под влиянием которых и формировался западный вкус (Gross 2025; Chapoutot 2016).

Женские фигуры обычно полуобнажены и демонстрируют грудь. Так изображали Афродиту, богиню любви. Они стоят, кокетливо перенеся вес на одну ногу, в классической позе контрапоста (фр. déhanchement), подчеркивающей изгибы фигуры (этот выигрышный прием до сих пор используют и кинозвезды на красных дорожках). Мужчины же, напротив, гипермускулисты.

Древние греки представляли тело как чистую плоть. Мужчины, очевидно, обладали выраженной массой мускулов. Именно это скульпторы наблюдали в гимнасиях и на спортивных аренах. Не имея представления о внутреннем устройстве человека, мастера высекали из мрамора шарообразные выступы, рябь и выпуклости. Они высекали то, что видели на своих мужественных натурщиках.

Одна знаковая скульптура, «Дискобол», выстроена как колесо энергии: круговое движение идет от занесенной назад правой руки к левой, перекрещенной с правым коленом. Все построено на противопоставлениях, в соответствии с греческой страстью к математическим закономерностям. Бросающий диск замер, свернут в готовности к броску, в мощном обещании высвобождения энергии. Он воплощает равновесие, ритм, координацию и, что важнее всего, пропорциональность. Он — Идеальный Мужчина, упражняющийся не из тщеславия, но для служения государству, которому принадлежит разумом, телом и душой.

Гитлер, одержимый классической Античностью, обожал «Дискобол» до такой степени, что заплатил целое состояние за оригинал. Для него эта статуя была воплощением высшей расы. На церемонии представления скульптуры в Мюнхене в 1938 году он призвал немецкий народ не просто подражать ему, но превзойти. Гитлер фанатично стремился превратить камень в плоть, вылепив свою нацию как мускулистое воплощение мифологизированного идеала: чистокровного и витального. Его рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс зловеще заявил: «Для нас массы — это лишь бесформенный материал. Только под рукой художника из массы можно вылепить людей, а из людей — нацию» (Chapoutot 2016: 177).

Их инструментами стали евгеника, эвтаназия, геноцид — и физическая подготовка.

Своеобразным аналогом греческих гимнасиев в Третьем рейхе стало насаждение разнообразных спортивных занятий через программу для трудящихся «Сила через радость» (Kraft durch Freude). В соответствии с нацистской идеологией строгих гендерных ролей, в мужской подготовке упор делался на развитии физической силы. Для женщин все было иначе. Архивные кадры, на которых женщины в белых шортах и майках, счастливые до безмятежности, упражняются на свежем воздухе en masse, демонстрируют вовсе не веселую физкультуру и не муштру ради работы на заводе или фронте. Скорее Гитлер хотел подготовить их к домашнему рабству под лозунгом «Дети, кухня, церковь» (Kinder, Küche, Kirche).

Эта бодрая программа должна была воспитывать в них грациозность и упоение от служения нации. Гитлер мускулировал женщин, но лишь до известной степени. В этой шумихе вокруг лозунга «Здоровая женщина — здоровая нация» их держали в форме прежде всего для деторождения и материнства.

На заре своего существования, в начале 1920-х, СССР боролся с голодом, недоеданием, туберкулезом и с вызванным ими истощением граждан. Неудивительно, что по мере укрепления государства эталоном красоты стали считать крепких и выносливых женщин. В городах ежегодно проходили парады, демонстрировавшие атлетизм советских женщин; государство уделяло внимание и производственной гимнастике.

Елена Судакова, куратор лондонской выставки Superwoman 2016 года, говорила, что идеальная женщина в представлении власти была одновременно «коровой, машиной, героиней труда, парашютисткой, метким стрелком и матерью» (Shearlaw 2016).

При всех этих установках на крепкую-женщину-семейные-ценности элитная мускулистая спортсменка оказывалась чрезвычайно полезным инструментом пропаганды. Атлетки появились в фильме Лени Рифеншталь «Олимпия», прославлявшем нацистские идеалы через подробную фиксацию Олимпиады 1936 года (Riefenstahl 1936).

А во времена холодной войны, когда восточноевропейским странам было нелегко тягаться с американской производительностью, глобальная политика доминировала и на международных спортивных аренах. Поэтому крайне символичным стал триумф советской гимнастки Ольги Корбут, завоевавший три золотые медали на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене. Поразив судей своими новаторскими элементами, она первой исполнила сальто назад на разновысоких брусьях. Этот элемент теперь так и называется: петля Корбут.

Ей было семнадцать, ее рост составлял 152 см, а телосложение было как у девочки допубертатного возраста. Это тело на десятилетия вперед изменило культуру гимнастики, превратив ее в токсичную и абьюзивную среду, где расстройства пищевого поведения и профессиональные травмы стали столь же обыденны, как и в балете (Ryan 1996; Sey 2009).

Словом, мускулатура, которой женщины решают облечь свои кости, не может оставаться сугубо частным делом. Как и само женское тело испокон веков, она оказывается достоянием других: на нее направлены особый надзор, особое внимание, особые режимы контроля.

Отдельные женщины, выбравшие карьеру в искусстве, спорте или армии, чтобы испытать свои пределы, находят радость в обретенной силе. Однако институции продолжают оценивать их по меркам и в условиях, созданных мужчинами для мужских тел, вплоть до тренажеров в спортзалах (Криадо Перес 2026).

И только благодаря упорству и нарушению правил лед начинает таять — и это уже происходит, хотя перемены и продвигаются с черепашьей скоростью. Олимпиада 2024 года стала первой в истории, на которой женщины и мужчины были представлены в равной пропорции.

Наконец, помимо насущных вопросов о «банальном национализме» спорта (Billig 1995), о позиции зрителя, автономии и праве собственности на свое тело, от женщин — даже если они берут медали в силовых видах спорта или бодибилдинге — по-прежнему ожидают соответствия незыблемым стандартам приемлемой женственности, невзирая на их исключительные мускулы.

Культура, безусловно, эволюционирует, и сегодня создаются и демонстрируются новые, более амбивалентные, гендерно-флюидные тела. Но женская пластичность остается политической проблемой. Даже когда экстремальная мускулатура бодибилдерши, казалось бы, полностью стирает привычные очертания женского тела, создавая новую «чеканную» физиологию, на нее поспешно навешивают все внешние атрибуты феминной эротики. Это делается лишь для того, чтобы подтвердить: она не представляет угрозы для бастионов патриархата.

На подобных примерах мы вынуждены признать: по крайней мере, на данный момент четкое разделение на женственное и мужественное может быть оспорено изменением перформативов поведения (Батлер 2022), новыми телесными стандартами, силовой атлетикой, бодибилдингом, однако бинарность по-прежнему остается тем упрямым маркером, по которому люди ориентируются в мире и через который удерживается власть.

Перевод с английского Марии Фатеевой

Литература

Батлер 2022 — Батлер Дж. Гендерное беспокойство: феминизм и подрыв идентичности / Пер. с англ. М.: V-A-C Press, 2022.
Криадо Перес 2026 — Криадо Перес К. Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин / Пер. с англ. И. Беляевой. М.: Альпина Паблишер, 2026.

Berlant 2011 — Berlant L. Cruel Optimism. Durham, NC: Duke University Press, 2011.
Billig 1995 — Billig M. Banal Nationalism. London, N.Y.: SAGE Publications Ltd, 1995.
Chapoutot 2016 — Chapoutot J. Greeks, Romans, Germans: How the Nazis Usurped Europe's Classical Past. Oakland, CA: University of California Press, 2016.
DeGeneres 2010 — DeGeneres E. Lady Gaga Talks About the Reason Behind Her Iconic Meat Dress. Facebook video, 2010. *www.facebook.com/ellentv/videos/lady-gaga-talks-about-the-reason-behind-her-iconic-meat-dress-/10670494610282l6* (по состоянию на 30.04.2026).
Dworkin 2001 — Dworkin S.L. «Holding Back»: Negotiating a Glass Ceiling on Women's Muscular Strength // Sociological Perspectives. 2001. Vol. 44. No. 3. P. 333–350. *doi:10.1525/sop.2001.44.3.333*.
Gross 2025 — Gross M.J. Stronger: The Untold Story of Muscle in Our Lives. London: Weidenfeld & Nicolson, 2025.
Heywood 1998 — Heywood L. Bodymakers: A Cultural Anatomy of Women's Bodybuilding. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1998.
Kunitz 2016 — Kunitz D. Lift: Fitness Culture, from Naked Greeks and Acrobats to Jazzercise and Ninja Warriors. N.Y.: Harper Wave, 2016.
Kuriyama 2011 — Kuriyama S. The Expressiveness of the Body and the Divergence of Greek and Chinese Medicine. Brooklyn, N.Y.: Zone Books, 2011.
Landen et al. 2021 — Landen S., Hiam D., Voisin S., Jacques M., Lamon S., Eynon N. Physiological and molecular sex differences in human skeletal muscle in response to exercise training // The Journal of Physiology. 2021. Vol. 3 (601). *doi.org/10.1113/JP279499*.
Lowe 1998 — Lowe M.R. Women of Steel. N.Y.: New York University Press, 1998.
Lyon & Douglas 1981 — Lyon L., Douglas K. Lisa Lyon's Body Magic. Toronto; London: Bantam Books, 1981.
Maher s. a. — Maher I. Beast. Beauty. Brains. *www.ilonamaher.com* (по состоянию на 30.04.2026).

Mapplethorpe et al. 1983 — Mapplethorpe R., Lyon L., Chatwin B. Lady Lisa Lyon. München: Schirmer/Mosel, 1983.
Riefenstahl 1936 — Riefenstahl L. Olympia. Festival of Nations. Documentary film. 1936. *www.youtube.com/watch?v=H3LOPhRq3Es* (по состоянию на 30.04.2001).
Ryan 1996 — Ryan J. Little Girls in Pretty Boxes: The Making and Breaking of Elite Gymnasts and Figure Skaters. London: The Women's Press, 1996.
Sawday 1995 — Sawday J. The Body Emblazoned: Dissection and the Human Body in Renaissance Culture. London; N. Y.: Routledge, 1995.
Sey 2009 — Sey J. Chalked Up: My Life in Elite Gymnastics. N. Y.: Harper, 2009.
Shapley 2020 — Shapley H. Strong Like Her. N. Y., NY; London: Gallery Books, 2020.
Shearlaw 2016 — Shearlaw M. «Fearless, Stoic and Attractive»: A History of the State-Sanctioned Russian Woman // The Guardian. 2016.
Squalem 2026 — Squalem L. Khaled Eternal Muse // Dazed. 2026. *www.dazed.me/life-culture/imane-khelif-forever-muse* (по состоянию на 30.04.2026).
Tsui 2025 — Tsui B. On Muscle: The Stuff That Moves Us and Why It Matters. London: Headline Press, 2025.
Young 1990 — Young I. M. Throwing Like a Girl and Other Essays in Feminist Philosophy and Social Theory. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1990.